ПОВЕСТЬ

ПОКА ГОРОД ПОМНИТ

МИРОН СЕВЕРИН

Мирон Северин

Пока город помнит

«Автор»
2026

Северин М.

Пока город помнит / М. Северин — «Автор», 2026

После зимней аварии Камнереченск снова живёт при свете. Но когда жители района Гавань жалуются на холод, новый диспетчерский экран показывает зелёный: связь с насосной есть, а показаний с дальнего конца сети нет.
Вера Лунёва добивается проверки старой обходной линии и предупреждает людей, пока причина ещё не установлена. Её дочь Рита собирает соседские сообщения — и узнаёт, что даже помощь может нарушить чужие границы.
Пока бригада ищет повреждение, город разбирает задержки и долги прошлой аварии. Продолжение повести «Пока город тёплый». Самостоятельная история о цене спокойного отчёта и о праве людей знать, что происходит на самом деле.

© Северин М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Зелёный квадрат 5
Глава 2. Два термометра 7
Глава 3. Акт 9
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Мирон Северин
Пока город помнит

Глава 1. Зелёный квадрат

Утром в диспетчерскую принесли новый экран. Его повесили на место бумажной карты, которую Вера Лунёва просила оставить хотя бы до конца отопительного сезона. Карта всё-таки осталась: сложенная вчетверо, она лежала у неё в ящике рядом с карандашами. На экране Гавань светилась ровным зелёным цветом.

— Красиво, — сказал Антон. — Если бы ещё от этого грелось.

Он вернулся с обхода западной насосной. После зимней аварии туда ходили каждый понедельник и после каждого пуска. Первые две недели механики называли это недоверием, потом перестали спорить: акт проверки наконец можно было составить не по памяти. Теперь у них появился экран, на котором каждый объект обозначался одним квадратом. Вера спросила наладчика, что именно означает зелёный.

— Связь есть. Последний пакет получен меньше минуты назад.

— Давление?

— Данные давления — в карточке объекта. Здесь состояние канала.

Подпись под цветом была «В норме». Наладчик развёл руками: так утвердили дизайн. Он мог поменять её после заявки, но сперва заявку должен был подписать отдел, который заказывал систему. Вера записала это в журнал. Не как неисправность сети, а как неисправность слов.

Телефон зазвонил, пока наладчик ещё собирал коробки. Женщина из дома у речного спуска сказала, что батареи в детской стали холоднее вчерашнего вечера. В соседней комнате тепло держалось. Она звонила в управляющую компанию; там ответили, что котельная работает и ей надо стравить воздух. Женщина стравила. Ничего не изменилось.

Вера спросила адрес и время. На слух различить проблему в одной квартире и проблему участка было нельзя. Она уточнила, где стоял термометр, открыто ли окно, есть ли горячая вода у соседей. Женщина помолчала, затем сказала, что соседку не спрашивала. Вера дала номер аварийной службы дома и обещала перезвонить после проверки двух источников. Она назвала срок: до полудня. Часы показывали девять сорок.

Антон открыл карточку Гавани. Давление на входе в районную ветку было в обычном диапазоне. На дальнем конце стояла пустая ячейка: этот датчик ещё не подключили после ремонта двора. Цифра подпитки за ночь была выше средней, но смена записала рядом «уточнить счётчик». Прошлой зимой такую запись оставили бы до следующей недели. Сейчас Вера попросила поднять четыре предыдущих ночи.

— Ты ищешь аварию? — спросил Антон.

— Я ищу, что изменилось.

Он распечатал лист. В пятницу подпитка была почти такой же, как в четверг. В субботу выросла. В воскресенье ещё немного. Это могло быть ошибкой учёта, работой на другом участке или небольшим повреждением. Вера взяла телефон и позвонила дежурному инженеру. Тот не сказал, что всё в порядке; он сказал, что проверит журнал местных замеров. Разница была существенной.

За окном стекло было мокрым от талого снега. В январе, когда город сидел без света, Вере казалось, что весна всё исправит хотя бы потому, что квартиры больше не будут остывать за одну ночь. Весна пришла, люди убрали обогреватели и перестали держать сумки с документами у двери. Но внизу, под плитами двора, трубы по-прежнему соединяли решения одних людей с жизнью других.

В одиннадцать двадцать женщина перезвонила сама. Она сходила к соседке сверху: у той батарея была теплее, чем вчера, но горячая вода шла с задержкой. На первом этаже дворник сказал, что в подвале слышно шипение. Вера записала слова каждого отдельно. «Шипение» могло означать кран, вентиляцию или трубу. Она не стала превращать его в «утечку».

В двенадцать без пяти инженер сообщил, что выслал бригаду к камере у речного спуска. Вера набрала женщину и рассказала только это. Та спросила, отключат ли тепло.

— Пока не знаю. Проверят на месте и сообщат, нужен ли другой режим. Следующее обновление будет в два, даже если причина не найдётся.

— Значит, вы мне опять скажете «не знаем»?

Вера узнала голос не по тембру, а по слову «опять». Город помнил прежние ответы лучше, чем имена тех, кто их произносил.

— Скажу, что проверили и чего ещё не проверили, — ответила она.

Когда разговор закончился, она посмотрела на экран. Гавань оставалась зелёной. Вера вынула из ящика бумажную карту и поставила на ней у речного спуска маленький карандашный вопросительный знак.

Глава 2. Два термометра

Рита узнала о холодных батареях от Галины Петровны, хотя жила в двух кварталах от Гавани. После зимы Галина Петровна привыкла начинать телефонный разговор с вопроса, дома ли Вера. Если Вера была на смене, разговор становился длиннее: Рита уже не делала вид, что не знает, куда звонить людям.

— Меня просят дать ваш номер, — сказала Галина Петровна. — Я не даю. Ты сама решишь.

— Правильно.

Рита сидела за столом с разложенными листами для школьного проекта. Она собирала карту соседской помощи: пункты, где после аварии выдавали воду, адреса открытых мастерских, часы работы библиотеки. Учитель предложил оформить её как сайт. Рита отказалась. Бумажные объявления зимой доходили до тех, у кого не было связи, а маленький сайт мог бы стать красивым доказательством того, что они опять забыли этих людей. Она делала распечатку и простую страницу с одинаковой информацией. Обновления на обоих носителях должны были иметь дату.

Галина Петровна попросила проверить три дома у речного спуска. Рита сказала, что может прийти после занятий, но не будет записывать фамилии жильцов. «Я и не прошу», — ответила Галина Петровна и сразу назвала двух человек по именам. Рита открыла блокнот и провела черту между адресом и тем, что не следовало повторять вслух.

В первом подъезде её встретил мужчина в спортивной куртке. Он держал ладонь на батарее так, будто проверял лоб ребёнка.

— С утра почти такая же, — сказал он.

— Можно измерить?

Термометр у него был комнатный, старый, с красной жидкостью. Он показывал двадцать один градус. Рита сфотографировала его на подоконнике и отметила время. В комнате было сухо и тепло. На кухне батарея была прохладной. Мужчина открыл окно на щель, чтобы показать, что оно не заклеено. Рита попросила закрыть: иначе сравнение станет ещё хуже.

Во втором доме у женщины с ребёнком было девятнадцать градусов. У неё стоял электронный термометр на полке рядом с чайником. Когда Рита взяла его в руки, цифра изменилась на полградуса. Она вернула прибор и подождала. Сравнить девятнадцать с двадцать одним можно было, но объявлять по этим двум приборам «падение температуры в районе» — нельзя. Она записала расположение, время, этаж, наличие открытых окон. Женщина спросила, поможет ли это вернуть тепло.

— Не знаю. Но это поможет не говорить, что все квартиры одинаковые.

На лестнице Рита увидела объявление управляющей компании: «Параметры теплоснабжения соответствуют норме». Под ним кто-то написал: «Какой квартире?» Рита почти улыбнулась. Затем прочла дату в углу: объявление висело со вчерашнего дня. Возможно, компания проверила ввод в дом, а не отдельные квартиры. Она сфотографировала лист целиком, включая дату.

Вера перезвонила ей на перемене. Рита сразу сказала, что не лезла в подвал и никому не обещала ремонт.

— Я об этом и не думала, — ответила Вера.

Они обе замолчали. Полгода назад Вера ответила бы иначе. Рита ждала, что мать попросит прислать фотографии в служебный чат. Вера попросила только сводку без имён и номеров квартир: адрес дома, время, измерение, способ измерения и слова жильца отдельно от цифры. Рита согласилась, но предупредила, что это не официальная проверка.

— Конечно, — сказала Вера. — Поэтому я запрашиваю официальную.

После школы Рита пошла к пекарне. Хозяин стоял у новой витрины, которую оплатил в рассрочку. Одну печь ему так и не удалось вернуть в работу; вместо неё стоял маленький электрический шкаф. Он уже слышал о Гавани и попросил не включать его адрес в список пунктов помощи, пока не узнает, будет ли у него горячая вода утром.

— Зимой меня записали как открытую пекарню, — сказал он. — Люди пришли за хлебом, когда у меня были пустые полки. Я их понимаю. Тех, кто написал список, тоже. Но теперь спросите прежде, чем ставить точку на карте.

Рита вычеркнула адрес карандашом. У неё был новый принцип, которого не было зимой: согласие человека должно появляться раньше полезной записи о нём. Она ещё не знала, что этот принцип труднее выполнять, когда других адресов почти нет.

Глава 3. Акт

В кабинете комиссии пахло краской: стену за столом успели перекрасить после протечки, а потолок оставили в разводах. На новой стене висела схема Камнереченска. Красных меток стало меньше. Вера не знала, удалили ли их после ремонта или потому, что в отчёте нужны были аккуратные приложения.

Нина Арсеньева разложила перед участниками три документа. Первый описывал зимнюю аварию. Второй — выполненные меры. Третий назывался «Акт готовности к следующему отопительному периоду», хотя до него оставалось полгода. Вера перевернула последнюю страницу и увидела пустую строку для своей подписи.

— Это проект, — сказала Арсеньева, заметив её взгляд. — Подписывать сегодня никто не просит.

Илья Сафонов сидел у окна. Руку он больше не носил в повязке, но, когда брал тяжёлую папку, поддерживал её другой. На вопрос о западной насосной он ответил с привычной точностью: заменено крепление, повторный пуск проверен, контроль после пуска продолжается. Слово «продолжается» секретарь сначала не записала. Илья попросил повторить протокол вслух, и она добавила.

Представитель водоканала говорил о своей части. Затем очередь дошла до теплосети. Начальник отдела безопасности назвал новый экран «сквозным контролем всех районов». Вера попросила уточнить, что именно видно на экране. Он ответил: состояние объектов. Наладчик, приглашённый из соседнего кабинета, сказал другое: состояние связи. За столом стало тихо не потому, что вскрылась тайна, а потому, что каждому хотелось быстрее подобрать одно слово вместо двух.

— Карточка объекта содержит показания, — сказал начальник.

— Не каждое поле заполнено, — ответила Вера. — У дальнего конца Гавани датчик не введён после ремонта. Зелёный квадрат там есть.

Арсеньева попросила назвать адрес и номер заявки. Вера назвала. Наладчик подтвердил: для вывода показаний нужен отдельный акт приёмки датчика. Пока система добросовестно сообщает только, что получен пакет связи. Никто её не обманул; её называли иначе, чем она работала.

На стол секретаря положили лист с предложением заменить в интерфейсе «В норме» на «Связь есть». Начальник отдела безопасности возразил: люди могут принять новую подпись за признание неисправности. Арсеньева посмотрела на Веру.

— Что сейчас на Гавани?

— Проверка. Есть жалобы из двух домов и рост подпитки. Причина не установлена. Бригада должна доложить после осмотра камеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.